

Хэ Чжимин, хорошо знакомый с подобными ситуациями, снова дёрнулся уголком глаза, тут же отвел взгляд и решил не вмешиваться, позволив старому лису бесноваться на свой лад.

Раз Врата Скрытого Острия потерпели поражение, кто-то должен был немедленно выйти им на смену, иначе герои со всей Поднебесной забеспокоились бы, решив, что эти великие предшественники трусили.

Однако, к всеобщему удивлению, следующей вышла не Секта Тайхан, питавшая к Цзян Чжао лютую ненависть, а Союз Шоцзянь, чьё боевое искусство не считалось выдающимся.

Хэ Чжимин, разумеется, на платформу не поднялся — с боевыми навыками у него и вправду было туго. Поэтому от Союза Шоцзянь вышли двое старейшин. Поскольку они были братьями, да ещё и близнецами, поразительно похожими друг на друга, и оба обладали изрядной толщиной кожи, они взошли на платформу вместе.

Не дав никому опомниться и возразить, они хором провозгласили: «Мы вдвоём — это единое целое, а по отдельности — лишь половина каждого. Великий... то есть, предшественник Цзян, вы же не хотите одержать победу нечестным путём, верно?»

Цзян Чжао было всё равно, один противник перед ним или двое, поэтому он сохранил бесстрастное выражение лица и слегка кивнул.

Собравшиеся внизу, разумеется, презирали эту парочку, особенно Ли Чжао, которая с негодованием уставилась на этих бесстыдников.

Наблюдавшие за поединком главы школ и старейшины тоже смотрели на Хэ Чжимина с нескрываемым презрением, но тот, обладая кожей ещё толще, лишь, подобно Лянь Хэнсину, улыбнулся и кивнул им. Честные и прямые, вроде Цинь Чэна, снова едва сдержали гнев, а Янь Силин и Сян Сюй, казалось, не обратили на это внимания, хотя, вероятно, в душе тоже презирали подобное поведение.

Поединок начался быстро. Братья, надо отдать им должное, умели услаждать взор зрителей: их приёмы были зрелищны, а слаженность — безупречной. Поначалу им даже удалось сковать Цзян Чжао, отчего Лянь Хэнсин и Янь Силин нахмурились. Ли Чжао же не волновалась — она с интересом наблюдала, как учитель одолеет этих двух вычурных типов.

Как и предполагала Ли Чжао, учитель вскоре перешёл в контратаку. Зная, что эти двое падки на лесть и внешний лоск, он не стал бить по больному, позволив им проиграть с достоинством и красиво, да ещё и подыграл, исполнив множество эффектных приёмов, так что внешне бой выглядел яростным и захватывающим. В итоге зрители внизу пришли в восторг и принялись ликовать. Пусть праведная сторона вновь потерпела поражение, но боевой дух её заметно поднялся.

Именно этого Союз Шоцзянь и добивался. Братья хорошо просчитали ситуацию: они предугадали, что Цзян Чжао тоже хочет сэкономить силы, и потому разыграли этот фарс, на который тот охотно поддался. Союз Шоцзянь понёс минимальные потери и «одержал победу» с блеском. Хотя лица окружавших платформу грандмастеров почернели.

Следующими на платформу поднялись представители Башни Минши. Сян Сюй, сознавая свою слабость в боевых искусствах, не стал выходить, а вышли восьмой и девятый в рейтинге героев. Оба они недавно достигли уровня грандмастера: один виртуозно владел мечом и делал ставку на скоростные атаки, другой же специализировался на шесте и предпочитал контратаки.

Их мастерство было неплохим, вот только внутренней энергии не хватило, и они продержались меньше времени, чем требуется, чтобы сгорела одна палочка благовоний. Однако они использовали схватку с Цзян Чжао как тренировку, потому сошли с платформы с радостными лицами и даже почтительно поклонились ему.

Вышло так, будто они и вправду состязались в дружеском обмене опытом. Даже зрители внизу начали забывать, что перед ними — великий демонический повелитель... Пока на платформу не поднялась Янь Силин...

Авторское примечание:

Ежедневно благодарю моих маленьких ангелочков за комментарии и добавления в избранное (*/**)

Сегодня попробую добиться тройного убийства~ ххх, я такой отчаянный.

Кстати, искусство Байхэ происходит из трактата «Гуйгу-цзы», хотя я его ещё не дочитала (OvO)

Когда Янь Силин ступила на платформу, царившее там ликование мигом утихло. Все уставились на двоих, стоящих на помосте, и в наступившей тишине назревала буря.

Она смотрела на Цзян Чжао с таким же бесстрастным выражением лица, как и у него.

На самом деле Янь Силин отчаянно хотела поговорить с Цзян Чжао, но что она могла сказать ему здесь, между ними? В прошлом её чувства остались безответными, она вышла замуж, а его сердце было занято другим. Говорить было не о чем. Ныне же она — госпожа Дворца Байлин, а он — великий демонический повелитель Улина. Они враги, и ничего более.

Под чёрной вуалью уголки её губ дрогнули в улыбке, полной горькой насмешки. Янь Силин подняла меч Байлань, указывая им на Цзян Чжао, словно бросая вызов или же задавая безмолвный вопрос. Затем она легонько оттолкнулась ногой и взмыла вверх, словно бабочка в танце, а меч Байлань преобразился в лепестки, что, подхваченные лёгким ветерком, устремились к груди Цзян Чжао.

Звонкий лязг разорвал иллюзию.

Тунлун преградил путь Байлань, а Цзян Чжао отступил на шаг, создав между собой и Янь Силин дистанцию.

И снова это выглядело как отказ. В глазах Янь Силин, подёрнутых улыбкой, мелькнула печаль. С самого начала Цзян Чжао чаще всего отвечал ей отказом.

Меч в руках Янь Силин дрогнул, отбивая Тунлун в сторону, и под чёрной вуалью её алые губы приоткрылись, изливая мелодичный, словно птичье пение, голос:

«Дева, скрытая в море цветов,

С лицом, что персик иль слива,

А взор — слепой».

Пока она пела, сознание всех присутствующих оказалось в плену.

Меч Байлань описал окружность, словно лепестки, неторопливо кружащиеся в воздухе. Лёгкий ветерок, рождённый клинком, коснулся земли, и там расцвели яркие цветы. Янь Силин словно пустилась в пляс посреди цветочного моря, грациозная, как испуганная летящая гусь.

Но в этой красоте таилась смертельная опасность. Цзян Чжао же вполне оправдывал звание бессердечного: Тунлун и Байлань столкнулись, высекая искры, их звон разорвал прекрасную картину.

Но и этого ему было мало. Цзян Чжао занёс меч, чтобы пронзить прелестницу среди цветов, не проявляя ни капли жалости к хрупкому созданию. Его клинок был стремителен: в мгновение ока он уже был готов пронзить гибкий стан, даже будучи тупым.

Среди зрителей вдалеке мужчины в основном вытаращили глаза, сжав кулаки, а женщины вскрикнули, не в силах смотреть прямо.

Но когда меч оказался перед самым лицом, Янь Силин лишь легко фыркнула, изящно сменила танцевальный шаг, провернулась и проскользнула мимо, а лепестки нежно коснулись щеки Цзян Чжао, оставив алые брызги.

И вновь зазвучала её песня:

«Крылом к крылу, вокруг Тяньлана* вьются,

Ветви сплетаются, на стену высокую взирая».

Голос её стал печальным и зловещим, отчего сердца слушателей содрогнулись. Даже такие, как Цинь Чэн и Лянь Хэнсин, обладавшие глубокой внутренней энергией, и холодный, как лёд, Сян Сюй не смогли сохранить душевное спокойствие — их сердца окрасились печалью. Ли Чжао же и вовсе охватила непонятная скорбь: она опустила голову, и слёзы заструились по её щекам.

Однако Цзян Чжао оставался непоколебим и бесстрашен. На его щеке алела царапина, но он даже глазом не моргнул, тут же развернулся, отбил меч Янь Силин, затем слегка отступил, принял серию её скоростных ударов, а после, вложив во встречный толчок внутреннюю силу, отбросил Янь Силин прочь.

Янь Силин слегка нахмурила брови и запела вновь:

«Потупя взор, слезами обливаясь, клянут тутовник древний,

Цветы танди** пышно цветут, а на устах — улыбка светлая».

Едва прозвучали эти слова, как в сердцах слушателей вспыхнули всепоглощающая ненависть и пожирающий всё ярость. Те, чья внутренняя энергия была слаба, ощутили, как кровь бурлит в жилах, а глаза пылают огнём. Через несколько мгновений многие уже харкали кровью и стонали от боли.

Даже чувствительная Вань Цзюньи оказалась во власти мощи этих слов и едва не погрузилась в пучину эмоций, но Бай Цин помогла ей упорядочить внутреннюю энергию и отвлечься разговором, так что гнев в сердце Вань Цзюньи понемногу улёгся.

Досталось же, однако, бедному младшему брату. Его четвёртый старший брат, Сань Миншэн, совсем не обращал внимания на окружающих: он рыдал и утирал хлынувшую носом кровь,

представляя собой поистине жалкое зрелище.

Если даже зрители, находившиеся в отдалении, испытывали столь сильное воздействие, то Ли Чжао, стоявшая у самого края Платформы Обсуждения Героев, и вовсе изнывала от терзавшей её ненависти. Она изо всех сил зажмурилась, пытаясь подавить бурлящую внутри энергию. Вспомнив мантру, которую дал ей учитель, она принялась повторять её про себя, и постепенно обрела покой.

Что до остальных... Секта Тайхан, будучи даосской школой, разумеется, имела свои методы успокоения духа; двое старейшин Дворца Байлин, сопровождавших свою госпожу, с детства практиковали технику звуковой атаки, так что на них это не подействовало; Врата Скрытого Острия и вовсе привыкли к ярости, потому не пострадали; Союз Шоцзянь же был школой многоопытной и проницательной, и никакие чувства или обиды не имели для них особого веса; восьмой и девятый из Башни Минши, будучи людьми эмоциональными, отреагировали сильно, но всё же, как грандмастера, не ударились в непристойности, как Сань Миншэн.

Но самыми невозмутимыми оставались трое: первый — обладающий непостижимым мастерством глава Альянса Улинь Лянь Хэнсин; второй — новый глава Башни Минши Сян Сюй, чьё присутствие или отсутствие не имело никакого значения; и третий — сам Цзян Чжао, которого Янь Силин так яростно атаковала.

Даже сама Янь Силин оказалась во власти своих же слов, и на лице её отразились свирепость и гнев. Цзян Чжао же оставался бесстрастным, словно его лицо было вырезано из камня, лишь цвет кожи становился всё бледнее.

Кстати говоря, с того момента, как Цзян Чжао ступил на Платформу Обсуждения Героев, лицо его было лишено крови, но все были настолько подавлены его боевым давлением, что не обратили на это внимания.

Янь Силин, сражавшаяся с ним всё ближе и ближе, видела это отчётливо. Пламя, уже готовое опалить её ресницы, поутихло, когда она заметила, как Цзян Чжао слегка нахмурился.

Она по-прежнему подавляла его, не смягчая ударов, но в моменты, когда их клинки звонко сталкивались, она тихо спросила: «Что с тобой? Почему сейчас ты... так слаб?»

Она хотела проявить участие, но слова вышли с ноткой пренебрежения и даже издёвки.

Услышав это, Цзян Чжао посмотрел на неё. В его взгляде не было ничего. Он лишь сжал губы, затем выпустил сгусток истинной ци, нанося удар мечом, и отбросил Янь Силин прочь — даже не удостоив её ответом.

*Тяньлан — букв. «Небесный Волк», название звезды.

**Танди — цветущее дерево, символ братской любви и гармонии.

<http://bllate.org/book/16264/1463625>